

Изъ воспоминаній о папѣ Пій Х.

Въ мучительно-тяжелыя для всѣхъ времена, подобныя переживаемымъ нами теперь, какъ отрадно, утѣшительно вспомнить, что не только у насъ, въ нашемъ православномъ отечествѣ, но и внѣ его, вообще въ христіанскомъ обществѣ являются еще люди столь желаемого нами „мира“, люди, полные истинной простоты и любви Христовой...

Въ іюль исполняется годовщина смерти одного изъ такихъ людей,—покойнаго папы Пія X.

Незадолго до его кончины, именно въ декабрь 1913 года, въ одномъ французскомъ журналѣ была помѣщена не лишняя интереса статейка извѣстнаго писателя *Камилла Делэгъ (Delaigue)*, въ которой рассказываетъ онъ о своемъ посѣщеніи главы Римской Церкви. Онъ былъ принятъ папою въ продолжительной аудіенціи и, среди общаго разговора, поинтересовался спросить его,—гдѣ и когда служилъ Пій X свою *первую* рождественскую мессу,—*messe de minuit*,—служеніе которой, какъ извѣстно, обставляется у римскихъ католиковъ особенною торжественностію. И—результатомъ этого вопроса и отвѣта папы была поѣздка К. Делэгъ въ мѣстечко Томболо, гдѣ это совершилось.

— Гдѣ я служилъ ее? сказалъ Пій X, мгновенно переходя съ обычнаго торжественнаго „мы“ на простое „я“,—я служилъ ее въ Томболо... я служилъ *первую* мессу и приобщалъ богомольцевъ... помню, много ихъ было!..

И папа остановился, задумчиво устремивъ глаза въ окно, откуда жарко дышало въ комнату знойное римское лѣто,—такъ и казалось, будто видитъ онъ теперь передъ собою ту далекую, прохладную декабрьскую ночь въ своемъ далекомъ Венеціанскомъ отечествѣ...

Но раздумье продолжалось недолго. Словно очнувшись, съ милою улыбкой на устахъ, продолжалъ онъ:

— Право, ничего не помню объ этомъ болѣе... такъ это все далеко теперь, и такъ все это было тогда просто!.. но лучше отправляйтесь туда сами, туда, въ Томболо, въ Ка-стельфранко, въ Ріезе,—поѣзжайте туда отъ моего имени,—васъ примутъ хорошо!.. но не ждите услышать ничего особеннаго,—и мой привѣтъ всѣмъ, кого вы встрѣтите тамъ!

И Камилль Делэгъ рассказываетъ намъ далѣе, какъ исполнилъ онъ этотъ совѣтъ папы. Интересно повѣствуетъ онъ при этомъ о прежней суровой, полной лишеній жизни кардинала Сарто, объ его юности, о бѣдной итальянской деревушкѣ, гдѣ онъ родился, о тѣхъ воспоминаніяхъ и впечатлѣніяхъ, которыя до сихъ живы на его родинѣ.

„Мы послѣдовали совѣту, вмѣстѣ и высокому, и дружескому,—пишетъ К. Делэгъ;—со вниманіемъ и чисто съ умиленіемъ душевнымъ обошли мы теплымъ лѣтнимъ днемъ всѣ эти мѣста,—мѣста, бывшія нѣкогда свидѣтелями рожденія и дѣтства святѣйшаго отца, свидѣтелями его юнаго священства... мы помолились у подножія алтаря, гдѣ когда-то служилъ онъ, мы сидѣли за трапезою, которую до сихъ поръ готовятъ для путниковъ его родные... вотъ приближается уже девятая рождественная годовщина папы Пія X ¹⁾, вспомнаемъ же *первое* рождественское служеніе Джузеппе Сарто, тогда еще викарія бѣднаго мѣстечка Томболо. Но вспомнаемъ его не одно,—пусть и другія воспоминавія окружать его память и послужатъ какъ-бы рамкою описываемой нами картины“...

Джузеппе Сарто, уроженецъ деревушки Ріезе, получилъ свое священство въ Кабельфранко. Это небольшой городокъ между Тревизо и Виченцей. Учился маленькій Джузеппе сначала въ школѣ своего родного Ріезе, а затѣмъ его послали въ гимназію Кабельфранко. И каждодневно мальчикъ долженъ былъ пробѣгать длинный путь (7 километровъ) между своимъ селеніемъ и городкомъ. Зачастую онъ совершалъ этотъ путь босикомъ, жалѣя обувь, плохо одѣтый, а иногда и голодный. Только въ послѣдній годъ ученія Джузеппе въ Кабельфранко дѣла его семьи пошли нѣсколько лучше.

¹⁾ Это писалось, какъ сказано выше, въ декабрь 1913 года.

„Мы прошли,—говорить К. Делэгъ съ трогательною любовію къ своему духовному главѣ,—черезъ высокія ворота въ красноватой стѣнѣ. Мы—въ „старомъ“ городѣ... а вотъ и соборъ, *il duoto*. Вотъ мраморныя плиты, на которыхъ склонялся тотъ, кому суждено было сдѣлаться потомъ верховнымъ первосвященникомъ“...

Около собора Капельфранко находится знаменитая Мадонна Джіорджіоне.

„Еще вчера Піи Х говорилъ намъ о ней“...

Статуя Богоматери дивной красоты, какъ описываетъ ее Делэгъ, но, мы опускаемъ это описаніе,—оно не соотвѣтствуетъ нашимъ *православнымъ* понятіямъ о Царицѣ Небесной...

Мадонна Джіорджіоне помѣщена довольно далеко, вѣрнѣе довольно высоко отъ зрителей и, такъ сказать, на фонѣ дымчатыхъ горъ, ограничивающихъ горизонтъ венеціанской области. Особенно поражаютъ зрителя Ея глаза, полные неземной грусти,— глаза, словно уже видящіе передъ собою Голгоѳу.

Изъ Капельфранко старинное ландо, запряженное парю весьма тощихъ коней, доставило путниковъ въ Томболо.

Хотя утро было сѣрое, тѣмъ не менѣе всю дорогу картина была очаровательная.

„Сплошь зеленая долина, простирающаяся до самого подножія голубоватыхъ горъ. Южной растительности мало; лишь нѣсколько тутовыхъ деревьевъ, вязъ, ольха; тополя, менѣе стройные и прямые, нежели на сѣверѣ,—яворы, окаймляющіе ручьи и проѣзжія дороги, похожія на аллеи парка; изгороди, раздѣляющія между собою поля; маленькіе лужки, полные люцерны и трилистника, вьющіяся виноградныя вѣтви, гирлянды которыхъ перебрасываются съ дерева на дерево... классическое изящество этихъ гирляндъ и свѣтлыя стѣны виднѣющихся изъ-за нихъ фермъ прямо напоминаютъ намъ, что мы въ Италіи“...

„Недостаетъ лишь фигуры Ангела на колокольнѣ Томболо,—наивно заявляетъ ревностный почитатель папы Піи Х, подразумѣвая Ангела на Ватиканскомъ мосту въ Римѣ,—но за то болѣе скромные знаки показываютъ намъ, гдѣ мы,—вездѣ, на всѣхъ стѣнахъ, воротахъ,—вездѣ читаемъ мы большими буквами начертанныя надписи: *Viva Pio X!*“

Церковь въ Томболо,—созданіе Палладіо. Простое, безъ всякихъ украшеній преддверіе, въ которомъ растетъ трава, съ полукруглою кирпичною скамьей,—фасадъ въ формѣ портика,— шагахъ въ десяти отъ церкви домъ священника, окруженный тощими акаціями, бѣдное маленькое жилище въ два окошечка,— „и здѣсь жилъ когда-то Піи Х.“!.. съ горестнымъ удивленіемъ восклицаетъ французскій писатель.

Внутренность церкви скромна, но не бѣдна. Наоборотъ, можно было бы сказать, что въ этомъ благочестивомъ селеніи людскія жилища словно стремятся быть бѣднѣе, ничтожнѣе, чтобы болѣе выставить на видъ благолѣпіе дома Божія. Довольно обширная, свѣтлая и совершенно бѣлаго цвѣта, простая, изящная, не безъ нѣкотораго благородства, съ высокимъ куполомъ посрединѣ, съ колоннами, пилястрами и карнизами, церковь сильно напоминаетъ собою венеціанскій стиль. Большая люстра Мурано спускается посрединѣ свода. Полъ мраморный, мозаичный. Изъ мрамора также лѣстницы и баллюстрада хоръ. Изображенія святыхъ сильны и характерны...

„Но вотъ показалось изъ-за облаковъ солнце,—своя красная ситцевая занавѣска озарило оно всю церковь и словно вся прелесть, вся радость Италіи вспыхнула вокругъ насъ“...

И — „здѣсь я служилъ мою первую рождественскую мессу“,—словно слышитъ въ это мгновеніе благочестивый путникъ вчерашнія слова Піи Х... и представляется ему эта первая месса,—онъ словно видитъ молодаго *capellano*,—донъ Джузеппе служилъ тогда за большаго старшаго викарія,—онъ словно слышитъ его голосъ, возглашающій:— *gloria in excelsis Deo*, слава въ вышнихъ Богу,—голосъ папы Піи Х, замѣчательно красивый въ молодости и удивительно сохранившійся и въ старости, *voce pastosa*, какъ называли его Итальянцы...

„*Di Carrara, signore, di Carrara!*“ внезапно прозаически будить размечтавшагося Камилла Делэгъ его „гидъ“. Этотъ гидъ никто иной, какъ теперешній священникъ церкви. монсиньоръ Дзилліото. Онъ указываетъ писателю на мраморный бюстъ съ надписью въ честь бывшаго викарія Томболо.

Они выходятъ изъ храма вмѣстѣ. На маленькой площадкѣ передъ нимъ собрались жители селенія. Иностранецъ, при-

бывшій къ нимъ отъ ихъ папы, сейчасъ же дѣлается ихъ другомъ. Они рассказываютъ ему объ юныхъ годахъ Джузеппе Сарто, онъ говоритъ имъ о теперешнемъ папѣ Пій Х, старичкѣ, одѣтомъ во все бѣлое, въ глубинѣ таинственнаго римскаго дворца... многіе изъ нихъ знали его лично, многихъ изъ нихъ даже крестилъ онъ, всѣхъ же — утѣшалъ, ободрялъ, всѣмъ помогаль. „*Era tanto dravo! tanto buono!*— онъ былъ такъ хорошъ, такъ добръ!“ говорятъ они,—но *одко* наименованіе особенно часто срывается со всѣхъ устъ... „*Poreretto*“, говорятъ они, „бѣдняжка!“—это слово, равно приложимое и къ малымъ, и къ великимъ міра сего, имѣетъ въ устахъ Итальянца особое значеніе,—особую, исключашую всякую непочтительность, всякую фамильярность, глубокую нѣжвость, связанную съ сожалѣніемъ...

И это слово очень подходитъ *здѣсь* къ Пію Х,—говоритъ К. Делэгъ. Убогое жилище, труды, лишенія... вотъ что видитъ здѣсь посѣтившій Томболо и бывшее жилище могущественнаго главы Римской Церкви!

Монсиньоръ Дзилотто показываетъ и свои приходскія книги. Многія странички ихъ исписаны знакомымъ К. Делэгу тонкимъ почеркомъ. 13-го іюня 1867 года подписался въ послѣдній разъ *своимъ* роднымъ именемъ Джузеппе Сарто,—именемъ, которое теперь уже не принадлежитъ ему... „*Poderetto, poderetto!*“

Изъ Томболо Камилль Делэгъ отправился въ Риезе, мѣсто рожденія Пія Х. Дорога туда похожа на дорогу изъ Кастельфранко въ Томболо. Тѣ же голубоватые тоны дальнихъ горъ, изгороди изъ высокихъ яворовъ, тѣ же быстрые ручейки среди густой, сочной травы, тѣ же розовыя колоколенки на фонѣ сѣраго неба. Вотъ и первыя дома селенія съ тѣми же надписями *Viva Pio XI!*. на одномъ изъ нихъ, очень скромномъ на видъ, видится медальонъ съ изображеніемъ папы Пія Х, бѣлымъ на золотомъ фонѣ. Сверху его надпись:— „*Pio X — Giuseppe Sarto — Nacque in questa casa — Il 2. Giugno 1835 — Documento al mongo — Come Cristo Dio — A povera e santa umilta — Unir sapia — Altezza somma di potenza e di grandezza — Il municipio — P. — 6 Agosto 1903*“ ¹⁾.

1) Пій Х—Джузеппе Сарто—родился въ этомъ домѣ—2-го іюня 1835.— Да познаетъ міръ—какъ Господь Христосъ—святую скромную простоту—можетъ соединить—съ высшимъ величіемъ и властію“.

Передъ окнами маленькаго домика, посрединѣ небольшой площадки, носящей имя Пія X, возвышается бюстъ этого „сына народа“, достигшаго величія главы Римской Церкви. На стѣнѣ же сосѣдняго дома—древнее Распятіе. Глаза папы устремлены на это Распятіе. И поселяне, проходящіе мимо, обнажаютъ здѣсь голову...

„Этотъ маленькій домикъ—гостиница, единственная гостиница Ріезе, подъ вывѣскою *Delle due spade*. Двѣ неровныя шпаги (*spada*), цвѣта серебра, подвѣшенныя одна противъ другой, качаются надъ дверью“.

Гостиницу держать племянникъ и племянница Пія X. Она сама готовитъ обѣды и оба они сами прислуживаютъ посѣтителемъ. „Общій залъ“ выбѣленъ известью, надъ массивнымъ столомъ большой портретъ папы. Все здѣсь полно воспоминаній о немъ. Вотъ, напр., маленькій дворикъ гостиницы,—здѣсь собрались 4-го августа 1903 года всѣ жители Ріезе,—сначала съ недовѣріемъ, затѣмъ съ бурною радостію услышавшіе вѣсть объ избраніи *ихъ* кардинала на Римскій престоль.

— „Мы радушно бесѣдуемъ съ хозяевами гостиницы, — продолжаетъ Камилль Делэгъ,—съ ними и съ ихъ двумя дѣтьми, Джіованни и Розеттой, мы идемъ осматрѣть домъ, гдѣ родился въ бѣдности и нищетѣ тотъ, кого теперь даже ближайшіе родные его не смѣютъ назвать иначе, какъ „*Il santo Padre*“, или „*sua santità*“!.. но и здѣсь, среди этихъ родныхъ, мы неоднократно слышимъ изъ глубины души вызывающееся восклицаніе: „*Poveretto*“!..

„Въ своей *Исторіи папъ*,—кончаетъ свой очеркъ К. Делэгъ,—одинъ извѣстный историкъ говоритъ: „Итальянецъ очень привязанъ къ своему отечеству и къ своей семьѣ. Эта черта характера, прекрасная и благородная сама по себѣ, была роковою для многихъ изъ папъ“. Но, какъ ни сильна привязанность Пія X къ своей родинѣ, къ своимъ роднымъ,—я не сомнѣваюсь, что *ему* нечего бояться этого „непотизма“, какъ говорили прежде“.—„Родные папы Пія X,—продолжаетъ онъ,—остались тамъ же и такими же, какъ были. Онъ не возвысилъ ихъ, возвысившись самъ. Но въ простотѣ своего сердца онъ всегда оставался съ ними. И они, ближайшіе родные папы, также нисколько не измѣнились съ его возвышеніемъ. Они говорятъ о немъ съ уваженіемъ, но безъ

всякой гордости и тщеславія. Въ Томболо, въ Ріезе можно научиться, какъ соединяются истинная простота, сердечная и христіанская скромность съ истиннымъ величіемъ. Преобладающая черта характера Пія X, его красота душевная и состояла именно въ этомъ единеніи“.

Теперь папы Пія X уже нѣтъ болѣе въ живыхъ. Но слава его, какъ человѣка „мира“, и человѣка вполне искренняго въ своей сердечной простотѣ, особенно интересна для насъ теперь. И потому думается, и намъ русскимъ, православнымъ людямъ не грѣхъ помянуть добрымъ словомъ почившаго главу Римскаго католичества, сказавшаго самоувѣренному Германцу, просившему у него отъ лица своего императора благословить германское оружіе:—Я благословляю миръ!“

А. К.
